

УДК 159.983+101.8

**РАЗЛИЧИЕ, СОБЛАЗН И СОБЫТИЕ В ФИЛОСОФСКОЙ
МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРАПИИ:
КРИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК «ИНВЕРСИРОВАННОЙ
АУТОПСИХОТЕРАПИИ ПСИХОТЕРАПИИ»**

С.В. Вайнштейн

Предпринято феноменологическое исследование психотерапии нашего времени как тематического региона, высвечиваемого анти-феноменологическими понятиями. Критикуется способность психотерапии к обоснованию самой себя в многообразии «рыночного плюрализма» и единстве «родового монизма» с опорой на допущение трансцендентальной истины в психотерапии. Укорененность психотерапии в современности рассматривается как предпосылка возможности использования современных философских категорий для предельного осмысления психотерапии. Предложены некоторые конкретные выводы в направлении общей методологии современной психотерапии. Современные тексты по психотерапии приводятся как примеры обсуждаемых вопросов.

Ключевые слова: история психотерапии; методология психотерапии; постмодернизм; психологизм; ситуация постмодерна; феномен психотерапии; философия психотерапии.

Поводом для представляемого ниже текста послужила публикация «Психотерапевтический очерк методологии психотерапии» [10]. Моя реверсия авторской (пере)формулировки предмета и метода затрагиваемой работы не преследует каких-либо глубинных целей, но призвана прояснить лежащие на поверхности причины того, что маркируется словосочетанием «постмодернизм в психотерапии». Наша критика является в большей мере «идеологической», чем «университетской» (в терминах Р. Барта), поэтому автор здесь отказывается от привычной обезличенности стилистики научного текста в пользу личной вовлеченности в философский дискурс о психотерапии. Как будет видно далее по тексту, различие «мы» и «я» здесь выступает важной, хотя пока и периферической, методологической предпосылкой. Тем не менее наша статья пишется, а не случается, т.е. здесь выражаются *результаты проведенного исследования*, а не потребность «говорить — лишь бы только наперекор» [10. С. 21]. Поскольку «смещение — “от произведения к сообществам” — говорит о росте символического и ре-

альной значимости политического» [7. С. 452], постольку политическая декларация личного местоимения, равно как и «гендерной принадлежности», не снимает необходимость академической аргументации, существенной для идеологии научного сообщества.

Психологизм в философской методологии психотерапии неизбежно ведет к невозможности обсуждения фундаментальных вопросов. Взяв ad hoc одну из терапевтических моделей [22], возможно вообразить примеры психофилософологизмов. Так, нарциссическое высказывание типа «постмодерн и хаос в психотерапии существует только в головах психотерапевтов, не овладевших собственной профессиональной идентичностью», закрывает доступ к ресурсам диалога на нелегком пути разработки предельно обобщенных оснований психотерапии как *практики*. Невротическое утверждение типа «постмодернизм суть конфликт между желанием психотерапии оставаться вместе с клинической философией современности и потребностью разработать собственную философию, современную самой себе», ограничивает

Вайнштейн Сергей Викторович — старший преподаватель кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: psytab@psu.ru.

высший уровень методологии дидактической деятельностью творческого освоения философских идей психотерапевтами и интеллектуального наставничества психотерапии философов. Это тупик для обретения самостоятельности и зрелости *теории* психотерапии. Наконец, шизоидная констатация типа «постмодернизм закончился и нам ничего не остается кроме как прилагать яростные метафизические усилия по его удержанию, чтобы хоть как-то справляться с ужасом бытия-вне-времени», вообще исключает из сферы общеметодологического анализа этот любопытнейший эпизод *истории методологии* психотерапии.

Соответственно, прояснение ситуации нуждается в преодолении психологизма. Эта задача требует своеобразного ελοχη, т.е. воздержания от «естественных» для данной темы психотерапевтических и психологических методов исследования высказываний. Таким образом, построение обсуждения по типу конфронтации субъектных позиций, эмпатии к субъективному взгляду и претендующих на объективность интерпретаций (аналогических, генетических, динамических), равно как анализ интенций, дискурса и тем более категоризация содержания (контент-анализ), сознательно исключаются. Еще *менее* продуктивной в данном случае видится *естественная* для строгих наук критика уместности языка а la Alen Sokal et Jan Bricmont [4], обреченная промахиваться мимо «эстетствующего иррационализма» в силу собственной укорененности в классической рациональности.

Философская методология при таком подходе становится проектом по установлению возможности истории, теории и практики психологической терапии, ведомым тоской по аподектической очевидности. Философские понятия, используемые на этом уровне методологии, имеют отношение к современной психотерапии лишь постольку, поскольку они имеют отношение к современности. Разработку философской методологии при этом необходимо отличать от построения клинической философии как освобождения «от доверия к старым категориям Негативного» [24. С. 9]. Клиническая

философия в современности уже имеет место, но она не тождественна философской методологии *современности* психотерапии, как и *современность* психотерапии, выступающая предметом нашего исследования, не тождественна современной психотерапии в ее позитивной эмпирической сложности. *Современность* как единая возможность, уместность и *своевременность*¹ психотерапии полагается трансцендентальным основанием множеству современных «психотерапий».

Различие как диагностика

В соответствии с рассматриваемой проблемой обозначим два различия: между «постмодернизмом в психотерапии» и «ситуацией постмодерна в психотерапии» и между философией и психотерапией. Первое различие суть тривиальная аллюзия (симптом), второе — сложная референция (проблема), которые в совокупности составляют простейшую диагностическую схему методологического замешательства психотерапии.

Постмодернизм выражает известное суждение «сколько психотерапевтов — столько и психотерапий» (см., например, [20]), т.е. радикальный плюрализм, фундирующий какофонию субъект-центрированной полифонии. Попытки «эмпирического позитивизма» обосновать

¹ В таком понимании предмет исследования ближе к англ. Timeliness, нем. Zeitnähe и фр. Opportunité, т.е. рус. своевременности. Тем не менее термин современность видится более подходящим для артикуляции коннотации совместного бытия сущих в оппозиции, но не противоречии, денотации своего бытия сущего. Каждому языку философствования приходится «выбираться своей колеёй», но в общем язык понятен.

психотерапию на пути точных замеров по воспроизводимым протоколам (т.е. верифицируемо-фальсифицируемым) любопытны в демонстрации собственной (не)продуктивности. Но они сохраняют за собой впечатление прогресса научного знания о психотерапии (по крайней мере, в виде накопления фактов в рамках конкретных научных теорий), одновременно утверждая регресс философского понимания психотерапии. Когнитивная нейропсихология становится «нулевым участком» («ground zero») эмпирического для высоты «сдвоенных башен» («twin towers») рационального (напр., глубинной и вершинной психологии — в терминах Л. С. Выготского). Электроэнцефалография кросс-частотных сопряжений (cross-frequency coupling) дельта и бета колебаний в ходе групповой когнитивно-поведенческой терапии социально-тревожных расстройств показывает снижение корреляций ритмов головного мозга у экспериментальной (психотерапевтической) группы до уровня, статистически значимо не отличающегося от показателей контрольной группы. Это позволяет ученым сделать вывод об эффективности терапевтического воздействия, признавая при этом, что когнитивно-поведенческая терапия, равно как и медикаментозное лечение, имеют краткосрочный эффект [33]. Иными словами, основанное на естественнонаучном познании технологическое освоение «души ожидающей услуги восстановления доброго здоровья» (ψυχή θεράπεια) приводит пока лишь к утверждению психотерапии как случайного воздействия: эффект есть, но его устойчивость во времени сомнительна. Особую внутреннюю проблему когнитивно-поведенческой методологической программы внешнего обоснования составляет, как отмечают сами авторы упомянутого исследования, неоднородность психотерапии как «независимой переменной». Феномен «неоднородности» требует некоторого исторического прояснения.

Процесс дифференциации психотерапевтических теорий и техник начался одновременно с достижения психоанализом статуса школы,

т.е. появления первых самостоятельных «выпускников». Их неудовлетворенность первой европейской версией психотерапии вела к разработке новых подходов (А. Адлер, К. Г. Юнг, К. Хорни, В. Райх, М. Босс, Ф. Перлз, В. Франкл, А. Эллис — лишь некоторые примеры «бывших» психоаналитиков). Впрочем, и самого Фрейда, похоже, не очень устраивали базовые принципы утверждаемой им же техники: из 43 случаев анализа (1907-1939) принцип анонимности был нарушен в 100% случаев, принцип нейтральности — в 37 случаях (86%), конфиденциальности — в 23 (53%). Оригинальный метод Фрейда был утерян и не может быть воспроизведен — такой вывод делают некоторые историки психиатрии [32]. Если интерпретировать такое положение дел как преодоление непреодолимых методологических пределов, то получается, что первым «постмодернистом» психотерапии был ее основатель, хотя плюралистом его назвать нельзя (дружба с Л. Бинсвангером — исключение, подтверждающее правило). Такая интерпретация игнорирует внимание к понятиям в классических психоаналитических текстах, их динамике, отношениям и обоснованию, что вновь погружает нас в психологизм. Очевидно одно: диссонанс психотерапии — естественное звучание при ее исполнении.

В свою очередь, ситуацию постмодерна можно обозначить как дискредитацию представлений о том, кто такие психотерапевты и что означает быть психотерапевтом (ср. [21. С. 29]), т.е. преодоление психотерапевтической классики. Речь идет, прежде всего, о кризисе медицинского позиционирования психотерапии, ее локализации в одном дисциплинарном поле с неврологией и психиатрией. В этом контексте родитель современной психотерапии З.Фрейд формально не вступает в противоречие ни с О. Брейером, ни с Э. Крепелином. Все трое выражают психотерапию как врачебную практику, укорененную в онтологии изолированного индивида и эпистемологии экспертного взгляда от третьего лица. Классический взгляд психотерапевта конституирован по типу пози-

тивного взгляда медицины патологических реакций (ср. [25]). Способность и «производственная необходимость» решения психотерапевтических задач (инструментальный аспект) и установление психотерапевтических отношений (социальный аспект) психологами, педагогами, социальными работниками и другими уничтожает монополию врачей на этот вид профессиональной деятельности.

Особенно обращает на себя внимание случай философского психологического консультирования (philosophical counseling). В наше время (возрождение «консультационной функции» философии по этическим и экзистенциальным вопросам (именно это конкурентное преимущество прописывается философами консультантами) манифестирует несколько событий. Появление специальной услуги на рынке связывают с публикацией в 1980 г. заметки в популярном журнале, где философское консультирование было представлено как процесс «личного путешествия», в котором «коуч — консультирующий философ — фасилитирует процесс» [31. С. 60]. Институционализация произошла в 1982 г. с учреждением Немецкой ассоциации философской практики. В 1994 г. прошла первая международная конференция в Ванкувере. Первая коллективная монография вышла в свет в 1995 г. [35]. Сегодня в интернете представлено как минимум 11 сообществ, 8 журналов, 9 личных сайтов [37]. Этот проект подвергся резкой критике со стороны британской академической философии относительно границ применения рационального мышления, необоснованности претензий на этическую экспертизу и саму потребность населения в таких услугах, хотя и указывалось, что в Германии и Франции спрос может быть выше. Согласованность позиций практикующих философов примерно такая же, как и в психотерапии [34]. Периодически проводятся конференции; декларируются образовательные минимумы для консультантов, программы подготовки и этический кодекс [28]. Иными словами, имеются существенные признаки психотерапевтического сооб-

щества, соответствующие абстрактной всеобщности «капитало парламентаризма» (термин А. Бадью) новейшего времени.

Благодаря тому, что «философы “производят поверхность”, на которых возможны понимания и коммуникативные действия», современный «философ некоторым образом замещает собой психоаналитика» [7. С. 6]. Некоторый образ в приведенном выше примере философского психологического консультирования обретает конкретные очертания. Для психотерапевтов путь начинается из другой точки. Психотерапии предстоит выход на «поверхность» философии. Интенция субъекта (Я), обращенная к лавинообразному росту выражения философских интенций других субъектов (Других Я), рискованна растворением идентичности субъекта. Возможная стратегия достижения условия взаимопонимания и взаимодействия, при сохранении идентичности, — движение по смысловой поверхности философии в поиске «описаний» и «предписаний». Следует установить имеющую место конституцию отношений субъекта (Я) к интересубъективности (Мы) в регионе психологической терапии.

Один из способов справиться с пролиферацией фигур психотерапии в ситуации утраты монополии медицины приводит к своеобразной «герменевтической индивидуации», т.е. технике реконструкции Мы в Я, сопряженной с парадоксальным совмещением исторической объективации традиции и отказа от признания объективности традиций. «Если возникает понимание — все, это уже мое». Поскольку «кто что сказал запомнить уже не возможно», постольку «я просто обречен на создание своей индивидуальной философии. Есть философия Канта, а “кантианцы” — это бред» [26. С. 9]. Так конституируется *личная философия* психотерапевтической *практики* как исходная точка интенции психотерапии к философии, но возведение ее в ранг философской методологии психотерапии суть вульгарный психологизм, при котором компаративистика и герменевтика психотерапии становятся бессмысленными, т.к. первая избыточна, а последняя ограничена субъек-

тивностью. Поэтому здесь очень важно «уважение к индивидуальному мнению и признание личной власти каждого» [26. С. 7] как этическое основание интерсубъективной матрицы философских исследований психотерапии. Тем не менее, оставаясь только лишь на этом уровне методологии психотерапии, мы остаемся заложниками культурного релятивизма и, перефразируя А.Бадью, не можем продвинуться дальше тривиального утверждения различных личных философий психотерапии, структура которых в себе не содержит каких-либо истин (ср. [29, С. xii]). Вообще, перефразировать и переводить — это все что остается здесь для компаративистики и герменевтики. Deskриптивная и нормативная функции методологии требуют большего, а именно *философского понимания различия*. Они требуют, стало быть, расширения смыслового горизонта настолько, чтобы можно было помыслить описание (deskрипцию-симптом) как выражение связности сущих, а определение (норму-проблему) — как указание на существо самого процесса осуществления сущего, его бытия во всей конкретности и отличия от других сущих [14. С. 649-650], т.е. требуется вхождение в философию. Психологические эссе значимы, но философские исследования также важны. Таким образом, личная философия психотерапевта необходимое, но не достаточное условие разработки философского уровня методологии.

Осмысление различия в нем самом, отвергающее примат образца над образом, разрушает тождество [8. С. 89]. «Различие (как интенсивность) эксплицируется в режиме расследования его экстенсивности» [12. С. 17]. Различие современной психотерапии отвергает оригинал клинической модели Фрейда, становясь интенсивностью различения, эксплицируемой психотерапевтическими направлениями, школами и взглядами. Различие «постмодернизма» и «ситуации постмодерна» в психотерапии суть (анти)репрезентация, так как присутствующее тождество, подобие и аналогия при отсутствии оппозиции предиката зеркально отражают ре-

жим подчинения различия дефициту репрезентации.

Диагностика в психотерапии становится вниманием к процессу разворачивания различия-в-себе, т.е. интенсивностью, а не репрезентацией. Если диагностика сливается с процессом терапевтических отношений, становясь тем самым динамической диагностикой, то возникает вопрос о конституции терапевтических отношений.

Соблазн как терапевтические отношения

«Инверсированная аутопсихотерапия психотерапии» задается метафорой психотерапии как личности, обрекающей себя на хронические страдания, усиливаемые собственными грандиозными попытками самостоятельно со всем справиться в гордом одиночестве. Психологизм, предполагающий такой суровый диагноз, преодолевается тематизацией психотерапии как сообщества. Предельные уровни выражения и осмысления жизни сообществ, достигшие пика к эпохе рождения психотерапии, — политическая экономия и идеология. Вообразим психотерапию как одну из идеологий XX в., овладевающую массами, а политическую экономию — как ее конкретное приложение. При этом сформулируем оба термина идейно и экономно. Политическую экономию, вслед за Аристотелем, — как вопрос о механизмах организации общения ради общего блага (Πολιτικά), противопоставленного семейному общению, с необходимостью включающей вопросы приобретения, пользования и управления собственностью (Οικονομικά). Поставив в эту формулу на место общения отношения психотерапевт-клиент, а на место собственности — личность, получим настолько же точное, насколько и абстрактное, определение психотерапии. Археологический формализм, если проводить его последовательно, предполагает понимание идеологии, вслед за А. Дестютт де Траси, как учение об идеях, их выражении и допускаемых ими дедукциях (Ιδεολογία). Тогда идеология становится здесь синонимом теории психотерапии. Достигнутое

формальное определение утаивает определенное содержание¹.

Отсылка к истокам значений — лишь методический прием избегания репрезентативного различия производственных отношений (производства, распределения, обмена, потребления, по К. Марксу) и терапевтических отношений (желания, нейтральности, переноса, абстинентности, по З. Фрейду). Их параллелизм и оппозиционность в сфере общественного производства сегодня уже не имеют никакого значения: «денежные механизмы остаются абсолютно безразличны к анальным проекциям тех, кто их осуществляет» [9. С. 53]. Утверждение желающего производства как конституции поля общественных отношений — проблема социальной философии современности. Желание как категория философской методологии психотерапии — глобально. На данном этапе требуются более локальные понятия. Поиск такого понятия обращает исследование по конституции современной психотерапии к эскизу истории «политической судьбы терапевтических отношений».

Историческому взгляду на психотерапию полное избегание философской традиции не удаётся. В этой истории обнаруживается, что различие-репрезентация предшествует различию-интенсивности. Тогда послание («message») Фрейда уместно понять в качестве результата, снимающего противоречия (со)единения идей философских проектов А.Шопенгауэра и Ф.Ницше и натуралистических теорий Ч.Дарвина и Э.Геккеля [27], равно как и послание («message») Маркса можно свести к синтезу объективного идеализма Г.В.Ф. Гегеля и проектов просвещения, социализма и натурфилософии Ж.Ж.Руссо и Л.Фейербаха. Редукция массивных «данных» к классическим («экспертным») схемам делает историческую ситуацию понятной. Особенно в эпоху массовых информационных проводников («mass

media age»)². Но это понимание, при всей своей значимости, не продвигается дальше констатации дефицита свободы объяснения и провокации профицита свободы изменения.

К началу XX столетия противоречие между естественным и гуманитарным (человеческим) в человеке для самого человека становится труднопереносимым. Принадлежность к млекопитающим сохраняется, а объем культурного наследия растёт. Как выходцы из наёмников буржуазии начинают освобождать пролетариат, так и субъект начинает освобождать желание, преодолевая идеологию собственного «класса». Соппротивление единичного порядку всеобщего нарастает и приводит к революции желания. Открытие психологических защит (сопротивления) Фрейдом как результат осмысления клинического материала (индивидуальных случаев) манифестирует феномен «экономии Ego»: дело теперь не в том, чтобы объяснить, что есть Я, а в том, чтобы изменить способы, какими Я сохраняет себя в мире и вкладывает себя в мир. Философская проблема обоснования субъекта становится психотерапевтической проблемой удержания субъекта в качестве проводника рациональной воли.

Субъект, с которым имеет дело психоанализ, суть субъект своей истории, «отчужденный» от нее вследствие «объективации» противоречий собственной структуры (ср. [1. С.336]. Логика общественного производства субъекта как исторического существа предполагает «определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения» [19. С.7]. Логика символического производства субъекта как существа личной истории предполагает «вытеснение, благодаря которому известные душевные побуждения подлежат исключению не только из сознания, но и из других областей влияния и действия» [23. С.593]. И в том и в другом случае речь идет о

¹ К вопросу «что такое “психотерапии” указывают разнесенные по ячейкам таблицы» [9. С. 30]

² Результаты поисковых запросов Google: Фрейд 2,200,000 ссылок (0.15 сек); Freud 25,500,000 (0.06); Маркс 8,700,000 (0.14); Marx 42,900,000 (0.08). (дата обращения: 30.04.2011).

необходимом и объективном. Свобода определяется через осознание того, о чем идет речь.

Символический капитал инвестируется в античные формы (Эдип, Нарцисс и т.п.). Я, по мере накопления своих символов, «эксплуатирует» Оно и наращивает собственную продуктивность, присваивая архаичное в качестве «добавленной стоимости». Сверх-Я, в свою очередь, представляет репрессивную идеологию «класса», эксплуатирующего Я. Эксплуатация эксплуататоров, хоть и создаёт видимость справедливости, осложняет несоответствие желания и свободы (Оно и Я) конфронтацией свободы и порядка (Я и Сверх-Я). Известный фрейдистский тезис декларирует задачу освобождения личности за счет присвоения желания путем смены места дислокации Я. Основной «экономический» механизм регулирования отношений — требование признать и принять свои инстинкты, какими бы чудовищными они не казались, — переносит «центр сознания» вместе с Я на место Оно. Движение «материальных сил» осуществляется в рамках структуры личности пациента (пока еще пациента), что предполагает упомянутые выше принципы анонимности, конфиденциальности и нейтральности как механизм нейтрализации «материальных сил» врача (пока еще врача). Врач исключается как субъект изменений в жизни пациента с целью включения пациента как субъекта собственной жизни, т.е. проводника рациональной воли. Пациент должен сам стать субъектом психоаналитической техники. *Я должно экспроприировать символический капитал Оно, которым оно (Я) и так владеет как способом производства самого себя.*

Тотальный крах рационального и торжество иррационального. Репрессивные структуры деконструированы, желание освобождено. Плата за освобождение: распад и фрагментация социального. Такова предельно краткая история взлета и падения идеологической программы первой «политической экономии» терапевтических отношений.

Позднее в проекте возвращения к этой программе будет предложен термин «анализант» (Ж.Лакан) для соответствующего определения клиента в психоанализе, зеркальный определению психотерапевта как аналитика. Теперь уместна дефиниция психотерапевта в терминах зеркального и образного, соответственно, терапевтические отношения уместно определить «как некую идентификацию во всей полноте смысла, (...) как трансформацию, происходящую с субъектом, когда он берет на себя некий образ» [15. С.10].

Рождение метафоры психотерапевта как «пустого зеркала» предполагает осмысление, которое полностью переворачивает «экономическое» понимание терапевтических отношений и снимает проблему рациональной воли субъекта, формируя новейшую рациональность психотерапии.

Зеркало — «очарование недостающего измерения», то, «что нас околдовывает» [2. С.127]. Здесь легко оступиться и упасть в психологизм, увидеть терапевтические отношения как соблазнение в межличностных отношениях. Но соблазн здесь продуктивен именно как философская категория, так как он противостоит логике экономии Еgo. Инвестиция как «загрузка либидо» суть психическая экономия влечений, в то время как «игра, ставка и вызов — это уже фигуры страсти и соблазна (...); всякий денежный, языковой, сексуальный или аффективный материал получает совершенно различный статус в зависимости от того, мобилизуется ли он в инвестицию или же обращается в ставку» [2. С.244]. Признание приоритета знаковой стоимости над потребительной — переход к современной идеологической программе. К психотерапевтическим отношениям теперь не применима гипотеза потребительной стоимости, которая «приписывает предметам функциональный статус, связанный с техническими операциями, а тем самым — статус опосредования «природных» потребностей индивида» [13. С.174]. Как исключение трудовой теории стоимости есть исключение наиболее сущест-

венного в политической экономии [1. С.296], так и исключение психоаналитической теории влечений из терапевтических отношений элиминирует их прежнее понимание.

Это более не отношения рационального обмена, но отношения дарения и принесения в жертву. Как психодиагностика в терапии перестает быть дифференциальной (подобие уже не имеет отношения к другим), становясь интенсивностью динамики отношений (бесконечной дифференциацией в пределах одного и того же), так и сами отношения, включившие в себя диагностику, перестают быть последовательностью процедур соответствующих диагнозу интервенций с целью изменить символический порядок, становясь нейтрализацией порядка символического.

Для Ж.Деррида дар — «это то, что ни на что не обменивается, то, что “раздвигает” символический порядок. Дар “проваливается” сквозь символическую реальность» (цит. по [11. С.127]). Для Ж. Бодриера соблазн «есть лишь то, что помещает видимость тайны внутрь циркуляции и движения. Его цель — не желание, а видимость и исчезновение» (цит. по [6. С.126]). Терапия проходит сквозь все наращенные слои символического, чтобы оказаться в точке сейчас. Разворачивающееся между клиентом и терапевтом *hic et nunc* имеет приоритетное значение относительно задачи радикального прорыва к аподектически достоверной реальности.

Сопутствующие знаки и сигналы символической вселенной при этом сохраняются. Только теперь они локализованы в новом горизонте. Открывающийся в этом горизонте смысловой ландшафт размечается линиями собственных логик. Топологию («перипетии понятия») соблазна, согласно Ж.Бодриеру, следует отслеживать в перекрестной игре трех взаимоисключающих логик: дуальности, полярности и дигитальности.

Дуальное отношение игры, ритуала и правила — исходная точка терапевтических отношений — запрос клиента. Полярное отноше-

ние, управляющее Законом как общественным договором, т.е. смыслом социального, воплощается в терапевтическом контракте. Наконец, дигитальное отношение (точнее, «уже не “отношение” даже, а что-то типа соединения в техническом смысле» [2. С.269]), запрограммированное пространством нормы и моделей, есть сакральное наследие психоаналитической нейтральности терапевта, направленное на корректную «оцифровку сигналов» клиента. Связка Запрос — Контракт — Нейтральность становится психотерапевтической экспозицией философской категории соблазна. Оформленные в различии-репрезентации эти понятия тождественны своим онтологическим референтам. При переходе к онтико-онтологическому различию (М.Хайдеггер) запрос, контракт и нейтральность становятся выражением связности сущих (клиента и терапевта), а проблема, сеттинг и отношения определяются как указание на существо самого процесса осуществления сущих (психотерапии). Артикуляция различия-интенсивности, переводящего диагностику в динамический регистр, отрицающего приоритет образца над образом, нивелирует терапевтическое значение нейтральности в прежнем ее понимании. Современный холодный соблазн политического как техническое воспроизводство (Ж.Бодриер применяет к соблазну генеалогию искусства В.Беньямина) [2. С.309], фундаментализированный объективной психической экономией вытеснения, теряет свое онтологическое значение вместе с деконструкцией собственного фундамента. Нейтральность, ведомая требованием адекватности, становится не адекватной современности. «Больше истины» создает «эффект игрового дистанцирования от события» [2. С.276]. Реальное и настоящее ускользает от искусственности мнимой нейтральности. Конкретно-методологическая схема психотерапевтических категорий остается неполной: запрос — проблема, контракт — сеттинг, нейтральность —?

Возникает вопрос, каков онтологический статус *настоящего*, находящегося по ту сторо-

ну структуры нейтральности в пространстве между терапевтом и клиентом, т.е. вопрос о том, что раскрывается в *hic et nunc*.

Событие как психотерапевтический альянс

Ситуация современности в представленном эскизе выглядит так, будто зависимость психотерапевтической истины от психотерапевтического знания (заботы об онтологии и эпистемологии) уничтожена. Вопрос о продуктивности освобождения психотерапии от собственной теории и практики (пример философского психологического консультирования) для развертывания подлинно современной психотерапии остается открытым (ср. с философским призывом Бадью [3. С.64]).

Утверждение математического дискурса о психотерапии пока что сомнительно относительно психотерапии как таковой, хотя прецеденты имеются. Пример: исследование с намеком на традицию формализма К.Левина и приложением к модели психодинамики одной из психотерапевтических модальностей. Гештальт-психология здесь по «непонятной»¹ причине отождествляется с гештальт-терапией (психология приводится по текстам, представляющим терапию). Подкрепление цитатами из Первого послания Коринфянам (фрагмента, где речь идет «О девтстве и браке», т.е. 7:31) и упоминание идей Бхагавадгиты позволяет сделать вывод о катарсисе как одновременной полной интроекции объекта и полной проекции себя в объект. При этом «точка катарсиса есть когнитивно-волевой баланс, равновесие делания и знания, деяния и познания» [17. С. 419]. Зачем описывать (структурировать) слияние в терминах интроекции и проекции, ориентируясь на формулы термодинамики, а катарсис переводить из традиционного эстетического регистра в этический и гносеологический, остается неяс-

ным². Вероятно, математический формализм претендует стать условием удостоверения *πράξις* и *γνώσις* психотерапии, т.е. ее истины.

Отходя от тенденциозных феноменов современности психотерапии, попытаемся приблизиться к тенденциям философской презентации современности. Несмотря на «феноменологическое недоверие» идея события как единицы, разрывающей множество, особенно в ориентированной на субъект искусства и проводимую им истину интерпретацию (А.Бадью), кажется привлекательной для философской методологии психотерапии. Фактичность тематизации психологической терапии как искусства (напр., Р. Мей, Дж. Бьюдженталь), несмотря на все возможные оппонирования, не требует отдельного удостоверения. Репрезентативное различие искусства и психотерапии снимается интенсивным различием эстетических аспектов психотерапии. Эстетическое нуждается в субъекте. Эстетическое измерение психотерапии требует введения субъективности терапевта в пространство психотерапии, придания ей такого же фундирующего значения, какое имеет субъективность клиента.

Понимание присутствия субъективности терапевта в психотерапевтическом альянсе су-

¹ Видимо, автор просто не различает психологию, психотерапию и философию (религии, в данном случае).

² Неясно, в чем дефицит теории гештальт-терапии при понимании слияния (конфлуенции), проекции и интроекции как традиционных инструментальных терминов, описывающих динамику терапевтического контакта в точке сейчас (различие-интенсивность психодиагностики) в рамках модели «поле организм-среда». Также неясно, в чем недостаток формального терминологического определения катарсиса. В рамках модели «цикла контакта» катарсис можно определить как полный контакт фигуры актуального отношения с фоном личной истории, стирание границ между фигурой и фоном — слияние. В то же время само катарсическое переживание, рассмотренное как цикл контакта, может регулироваться как конфлуенцией, интроекцией, проекцией, так и ретрофлексией. Пример: клиент выражает злость и обиду (проекция) к значимому персонажу из детства (интроекция) в рыдании (слияние с детским переживанием, конфлуенция взрослого человека с «внутренним ребенком»), но рыдания периодически сдерживаются прикрытием рта рукой и задержками дыхания (ретрофлексия).

щественно отличается от понимания психотерапевта как искушенного, но объективного управляющего психотерапевтическим процессом [5. С. 56]. Новая рациональность вне логики психической экономии формирует новую трактовку функции терапевта вне логики аналитической нейтральности.

Психотерапевт, по аналогии с художником и художественным творением, не причина «истины» психотерапии, но только лишь проводник «истинной» психотерапии (ср. [36. С. 48]). Такой подход требует определения истины в психотерапии как того общего, что есть между всеми «психотерапиями», вне зависимости от изолированности, (мульти)модальности, интегральности и пр., как самой возможности «психотерапий». Требуется не только признание трансцендентальности истины психотерапии, но и указание на то существенное, в чем она проявляется.

Антидисциплинарная (внемедицинская) конституция психотерапевтических услуг и антисубъективная (вне субъективности терапевта) конституция психотерапевтических отношений намекает на психотерапевтическое событие как на «нечто вроде разрыва в мировом континууме», «который появляется, но также исчезает» [30]. Понятие события у Бадью, в первом приближении, фундирует истину. «Истина конституирована исключительно разрывом с порядком, который поддерживает ее, [но] никогда как эффект этого порядка» [29. С. XII]. Разрывом, который «реконфигурирует порядок реальности, и условий, структурирующих наш доступ к реальности» [3. С. 64], является событие.

Осмысление события в местном культурно-историческом ландшафте в целом когерентно озвученному подходу. «Становящееся событие настоящего — *раскол, слом, переход, бытие-между, граница, предел* — невозможно конструктивно представить в терминах недавно господствующего философского говорения» [7. С. 454] (курсив автора. — С.В.). Различие состоит в том, что французская версия «онтологии, ис-

ключающей онтологию», апеллирует к структурам и формам математического (рационального), в то время как российская версия «аксиологии, включающей онтологию», обращается к структурам и формам эстетического (эмпирического). *Настоящее* психотерапевтического альянса высвечивается категорией события, имеющей как рациональную, так и эмпирическую тематизацию в философской современности. Хотя событие и не сводится к intersубъективности, оно «находится *между* — в пространстве встречи и понимания» [7. С. 31] (курсив автора. — С.В.). Intersубъективная конституция психотерапевтического альянса играет такую же роль, как и intersубъективная конституция психотерапевтического сообщества, т.е. пока клиент и терапевт *понимают* друг друга *в самом наивнейшем смысле*, а сами терапевты способны к *коммуникации* друг с другом *в самом общем* значении, условия возможности настоящей (аподектически достоверной) терапии выполняются. Пока психотерапевты хоть как-то понимают друг друга и своих клиентов, а клиенты находят своих терапевтов независимо от того, что сами терапевты думают друг о друге, констатация кризиса психотерапии — лишь риторическое преувеличение.

«Размышлять и чувствовать, осмыслять и переживать» — истинное содержание терапевтического альянса. Поиск ответа на вопрос о том, что здесь первично, конституирует внутрикорпоративную (между терапевтами одной «модальности») игру в «философскую партийность». Этим можно заниматься внутри терапевтических сообществ, если внешнекорпоративные (между терапевтами разных «модальностей») игры в «психотерапевтическую партийность» наскучили. Для «возвращения к истине» современности психотерапии важно, чтобы наскучили политические декларации схизиса, хаоса, постмодерна и т.д. «Аmplифицируем» декларации, чтобы «завершить гештальт» нашего исследования (т.е. попробуем вернуться к психологизму).

«Постмодернизм в психотерапии» как декларация на границе феноменов современности

В метафоре терапии как «изолированной и расщепленной личности» уместно декларировать: «Интерсубъективная продуктивность на место субъективного нарциссизма; там, где было фаллическое, должно стать генитальное», т.е. философии психотерапии, играющей призрачными признаками собственной личной идентичности (субъективный регистр), пора взрослеть и осваивать явные социальной идентичности явления (интерсубъективный регистр). Простой лозунг: «Шаг назад к корпоративной идентичности, два шага вперед: через осмысление философии собственной психотерапии к общему обсуждению философии психотерапии». Своеобразный герменевтический круг тогда представляется движением от Я к Другому через Мы, возвращающимся снова к Я.

В этом циклическом движении видится возможность выйти из психологизма замкнутых в себе индивидуальных психотерапий-харизм, требующих друг от друга коммуникации собственными методами (мифология, мультимодальность и пр.) в сферу философии общей методологии интерсубъективных психотерапий-сообществ. Иносказательно: подняться над «ризоматическими джунглями», впрочем, обнаруживающими, как было показано, свое происхождение в «генетическом коде» теории и практики психоанализа, и увидеть их с высоты философских категорий.

Возможно, на этом пути удастся преодолеть циничный скепсис конкретной методологии в отношении институционального познания, метко выраженный российской психотерапией современности в обесценивающем требовании понимания того, «что «диссертация на соискание» и есть «диссертация на соискание»: цирковой номер академического вытья среди академических волков, с которых стало бы и «Бытие и время» послать в Межрайонный институт птицеводства на предмет оценки народ-

нохозяйственной полезности в соответствии с утвержденной формой» [16. С. 9]. Философское стремление к истине требует нейтрализации («выключения», но не «исключения») социальных, политических, экономических знаков современности.

Преодолевая психологизм в философской методологии психотерапии, важно не дойти до другой крайности, а именно психологических фило-софизмов, ярко и развернуто представленных «метапсихологическими» построениями «экстремальной психологии». «Научный проект психологии бытия конкретного человека в мире», определяющий «событие человека (...) с точки зрения темпорального сингулярного события бытия сингулярного человека в “событии”, то есть многообразии опыта бытия» [18. С. 8-9], порождает массу вопросов к «постмодернистской психологии или неклассической психологии, уходящей корнями в культурно-исторический подход Л.С.Выготского (*sic!* — *C.B.*)» [18. С. 13]. Что скрывается за постструктуралистской экзистенциально-образной риторикой тавтологий данного проекта — отдельный вопрос, выходящий за рамки целей и предмета данной статьи. Остается лишь констатировать, что на этом фоне «инверсированная аутопсихотерапия психотерапии» показывает себя как «эстетический инструмент», хотя и кажется на первый взгляд «методологической игрушкой».

Затронутые категории философии современности, даже в первом приближении к своей поверхности, показывают себя возможными условиями понимания истории методологии, теории и практики психологической терапии. Несмотря на то, что конец деклараций не предвидится, наличие трансцендентальных оснований стабилизирует ситуацию.

Список литературы

1. Арон Р. Мнимый марксизм. М.: Прогресс, 1993. 384 с.
2. Бодрийар Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. 318 с.
3. Брейссер Р. Презентация как анти-феномен в «Бытии и событии» Алена Бадью // Журнал со-

- временной зарубежной философии «Хора». 2008. № 1. С.63-80.
4. *Брикмон Ж., Сокал А.* Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. 248 с.
 5. *Бьюдженталь Д.* Искусство психотерапевта. М.: Корвет, 2008. С. 56-72.
 6. *Вульф К.* Соблазн гиперреального // Журнал современной зарубежной философии «Хора». 2009. № 2. С. 123-134.
 7. *Грякалов А.А.* Письмо и событие: Эстетическая топография современности. СПб.: Наука., 2004. 406 с.
 8. *Делез Ж.* Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. С. 45-95.
 9. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 34-82.
 10. *Динабург С.Р.* Психотерапевтический очерк методологии психотерапии // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2011. Вып. 1 (5). С. 21-31.
 11. *Дьяков А.В.* Философ — это гений места (Беседа с А.А. Грякаловым) // Журнал современной зарубежной философии «Хора». 2007. № 1-2. С.122-137.
 12. *Железняк В.Н., Пономарева С.В., Цырлина Я.Э.* Проблема категорий в свете новейшей философии // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2010. Вып. 3 (3). С. 12-18.
 13. *Колесников А.С.* Стратегии Жана Бодрийяра // Журнал современной зарубежной философии «Хора». 2008. №2. С. 172-176.
 14. *Комаров С.В.* К новой онтологии субъективности // Метафизика и феноменология субъективности: Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетейя, 2007. С. 632-726.
 15. *Лакан Ж.* Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я // Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. М.: Логос, 1997. С. 7 — 15.
 16. *Папуш М.* Психотехника экзистенциального выбора. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. 544 с.
 17. *Сочивко Д.В.* Психодинамическая модель «эмоционально-волевого двигателя» в человеческом поведении // Математическая психология: Школа В.Ю. Крылова / под ред. А.Л.Журавлева, Т.Н.Савченко, Г.М. Головиной. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 408-419.
 18. *Магомет-Эминов М.Ш.* Позитивная психология человека. От психологии субъекта к психологии бытия: в 2 тт. Т.1. М.: Психоаналитическая ассоциация Российской Федерации, 2007. С. 8-43.
 19. *Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е. изд.Т. 13. М.: Изд-во политической литературы, 1955. С. 1-10.
 20. *Муллан Б.* Психотерапевты о психотерапии. М.: Класс, 1999. 480 с.
 21. *Уилер Г.* Гештальттерапия постмодерна: За пределами индивидуализма. М.: Смысл, ЧеРо, 2005. 489 с.
 22. *Федорус И.В.* Шизоидный, нарциссический и невротический способы организации поля межличностного взаимодействия: материалы сообщений / ред. Д.А.Леонтьев, Е.С.Мазур, А.И.Сосланд. М.: Смысл, 2001.
 23. *Фрейд З.* «Я» и «Оно» // Толкование сновидений: сб. произведений. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 590-606.
 24. *Фуко М.* Предисловие к американскому изданию «Анти-Эдипа» // Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 5-10.
 25. *Фуко М.* Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 310 с.
 26. *Хломов Д.Н.* Философия гештальт-подхода // Гештальт 2007. Ч. II. Вторая: Философия и этика в гештальт-подходе. М.: Московский Гештальт Институт, 2007. С. 5-13.
 27. *Элленбергер Г.Ф.* Открытие бессознательного: история и эволюция динамической психиатрии. Ч. 1: От первобытных времен до психологического анализа. СПб.: Академический проект, 2001. 560 с.
 28. American Philosophical Practitioners Association [Электронный ресурс]. 2011. URL: <https://www.appa.edu/> (дата обращения 5.04.2011).
 29. *Badiou A.* Being and Event. NY: Continuum, 2005. P. xi-20.
 30. *Badiou A.* The Subject of Art // The Symptom, 6, Spring, [Электронный ресурс] URL: www.lacan.com/symptom6_articles/badiou.html (дата обращения 12.10.2010).
 31. *Hersh S.* The Counseling Philosopher // The Humanist. 1980. V. 40. №3. P. 32-33,60.
 32. *Lynn D.J., Vaillant G.E.* Anonymity, Neutrality, and Confidentiality in the Actual Methods of Sigmund Freud: A Review of 43 Cases, 1907–1939 // American Journal of Psychiatry. 1998. V. 155. P. 163-171.
 33. *Miskovic V., Moscovitch D.A., Santesso D.L., McCabe R.E., Antony M.M., Schmidt L.A.* Changes in EEG Cross-Frequency Coupling During Cognitive Behavioral Therapy for Social Anxiety Disorder // Psychological Science, published online 4 March 2011 [электронный ресурс] URL: <http://pss.sagepub.com/content/early/2011/03/04/0956797611400914> (дата обращения: 28.03.2011).
 34. *Perring C.* The Limits Of Philosophical

- Knowledge: Implications For Philosophical Counseling // *Revue-E-Journal* [Электронный ресурс]. 2004. URL: http://web.ustpaul.ca/Philosophy/revue/articles/2004_perring.html (дата обращения: 5.04.2011).
35. *Raabe P.B.* A Philosophical Counseling Website [Электронный ресурс]. 2010. URL: <http://www.ufv.ca/faculty/philosophy/raabep/index.html> (дата обращения: 5.04.2011).
36. *Soruan V.H.* The Truth of Badiou's Return to Modern Art // *Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология.* 2010. Вып. 3 (3). С. 44-51.
37. International Societies for Philosophical Practice // The Society for Philosophy in Practice [Электронный ресурс]. 2011. URL: <http://www.practical-philosophy.org.uk/joomla> (дата обращения: 5.04.2011).
-

DIFFERENCE, SEDUCTION AND EVENT OF PHILOSOPHICAL METHODOLOGY FOR PSYCHOLOGICAL THERAPY: CRITICAL ESSAY ON "INVERSION OF AUTO-PSYCHOTHERAPY FOR PSYCHOTHERAPY"

Sergey V. Weinstein

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

Article represents phenomenological research for our-time psychotherapy as a thematic region constituted by anti-phenomenological notions. Critique of psychotherapeutic ability to self-foundation by diversity of "market pluralism" and unity of "generic monism" is performed due to affirmative assumption of transcendental truth for psychotherapy. Psychotherapeutic foundations in timelines considered as the premise for feasible use of contemporary philosophical notions to ultimate understanding of psychotherapy. Some concrete resumes towards general methodology for psychotherapy are offered. Contemporary psychotherapeutic texts exemplify discussed issues.

The initial differentiation of philosophy, psychotherapy and philosophy for psychotherapy enables establishing a redundancy of "postmodern". Psychotherapeutic difference takes in as intensiveness of explications for history of conceptions and actuality of positions. Articulation of difference-intensiveness brings to interpretation of axial psychoanalytical program in terms of decay and fragmentation of social structure due to deconstruction of repressive structures for desire. Overcoming strategy leads to involvement psychotherapist subjectivity with retention of neutrality. Modern rationality for psychotherapy appeals to event in intersubjective space as evidence of truth for psychotherapy.

Keywords: history of psychotherapy; methodology of psychotherapy; postmodern; psychologism; postmodern condition; phenomenon of psychotherapy; philosophy in psychotherapy.